

тем, что он являлся носителем аристократической системы ценностей, по крайней мере, в данном её аспекте. Благодаря эпистемологическому анализу изучаемой аксиологической категории было выяснено, что во времена Эсхила, а, возможно и позже, богатство служило не только признаком знатности и предпосылкой достижения почёта среди сограждан, но и смыслом жизни для многих афинян.

Куда более сложная ситуация сложилась при анализе представлений о богатстве Софокла и Еврипида. И, если Софокл демонстрирует нам эволюцию своих взглядов в течение жизни, что обусловлено давлением растущего кризиса полисной морали к концу V в. до н.э., а также неопределённостью собственных социально-политических взглядов Софокла, то Еврипид представляет противоречивые суждения в одном и том же произведении. В целом это может свидетельствовать о снятии данного вопроса с повестки дня афинского социума. В период классики богатство окончательно перестало быть монополией аристократии: «новые богачи» – метеки прочно заняли свою нишу в древнегреческом обществе. Данная проблема рассматривалась авторами в соответствии со своими субъективными воззрениями, которые, безусловно, могут изменяться в ходе жизни и творчества трагиков изучаемого периода. Таким образом, исследуемая социальная категория к периоду поздней классики теряет своё концептуальное значение в формировании системы ценностей древних афинян – значение, которое было присуще ей в архаический и раннеклассический период истории древней Греции.

Литература

1. Андреев В. Н. Структура частного богатства в Афинах V-IV вв. до н.э. / В. Н. Андреев // ВДИ. – 1981. – № 3. – С. 21 – 48.
2. Аннеткова-Шарова Г. Г., Дуров В. С. Античная литература / Г. Г. Аннеткова-Шарова, В. С. Дуров. – М., 2004.
3. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры [текст] / А. Я. Гуревич. – М., 1984.
4. Дюкарев В. Богатство в представлениях древних греков классического периода по данным исторической традиции / В. Дюкарев // Молодежь и наука: реальность и будущее: Материалы II Международной научно-практической конференции / Редкол.: В. А. Кузьмищев, О. А. Мазур, Т. Н. Рябченко, А. А. Шатохин: в 9 томах. Том III: История. Политология. Социология. Философия. – Невинномысск, 2009. – С. 50 – 52.
5. Лосев А. Ф. Античная литература / А. Ф. Лосев. – М., 2005.
6. Петровский Ф., Ярхо В. Комментарии / Ф. Петровский, В. Ярхо // Софокл. Трагедии / Пер. С. Шервинского. – М., 1988.
7. Тронский И. М. История античной литературы [текст] / И. М. Тронский. – М., 1988.
8. Фролов Э. Д. Прибыль и предприниматели в античной Греции / Э. Д. Фролов // Торговля и торговец в античном мире. – М., 1997. – С. 6 – 48.
9. Ярхо В. Н. Трагедия / В. Н. Ярхо. – М., 2000.

10. Adkins A. W. H. Moral values and political behaviour in Ancient Greece: from Homer to the end of the Fifth centuries. London. 1972.
11. Carter L. B. The Quiet Athenian. Oxford. 1986.
12. Dover K. J. Greek popular morality: in the time of Plato and Aristotle. Berkeley, Los Angeles. 1974.
13. Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.perseus.tufts.edu/>]. Доступ – 25.05.2009 г.

© Дюкарев В.

Апология гностического христианства как источник особого материала «Обличения всех ересей» Ипполита Римского

Егоренков Иван

Егоренков Иван. Апология гностического христианства як джерело особливого матеріалу «Викриття всіх ересей» Іполита Римського. Стаття присвячена одному з найважливіших джерел гностицизму – великому ереселогічному трактату Іполита «Викриття всіх ересей». В центрі уваги стоїть здавна відома і досі не вирішена проблема перехресних посилань між різними гностичними сектами, які складають основний зміст так званого особливого матеріалу Іполита. Автор пропонує вирішення цієї проблеми, виходячи з припущення, що джерелом особливого матеріалу Іполита був ексегетичний трактат, який був написаний невідомим апологетом гностичного христианства.

Yegorenkov Ivan. Apology of Gnostic Christianity as a source of reference material "rebuke all Heresies" Hippolytus of Rome. The article deals with one of the most important sources on the history of Gnosticism, great heresiological treatise of Hippolytus – «The exposure of all heresies». The major focus of interest is a well-known but still unsolved problem of cross-references between different Gnostic sects making up a bulk of so-called special material of Hippolytus. The author offers a solution of this problem, assuming

that the special material of Hippolytus is based on exegetic treatise, written by anonymous apologist of Gnostic Christianity.

Обличение всех ересей, выдающийся ересеологический труд епископа Римского Ипполита, был введен в научный оборот довольно поздно, лишь в середине XIX столетия, а ценность содержащихся в нем сведений до середины XX века подвергалась сомнению. На протяжении долгого времени под названием «Философумы» была известна только первая из десяти книг «Обличения», посвященная изложению мнений языческих философов. По всей видимости, еще в древности и в средневековье эта книга, содержащая краткий свод греческой философии от Фалеса до скептиков, а также учения брахманов и друидов, приобрела популярность в качестве учебника и отделилась от основного корпуса «Обличения». Однако, подлинное имя автора книги было забыто, и в рукописной традиции «Философумы» бытовали как сочинение Оригена.

В 1841 г. греческий ученый Константин Миноида Мина приобрел в Афонском монастыре для французского правительства манускрипт, который по месту своего дальнейшего пребывания получил название «Парижского»: Parisinus suppl. gr. 464 saec. XIV, bombicinus, truncus, foll. 1-132, 137, 133-136; 215x145 mm (textus: 160x105-115 mm, 23-28 versus). Эта рукопись, относящаяся к XIV в., содержит некоторые книги «Обличения»; II и III книги, посвященные, по всей видимости, описанию греческих и варварских мистерий, совершенно утрачены; от IV книги, в которой излагается античная астрология, сохранился только конец; книги с V по X, содержащие описания и обличения ересей, сохранились полностью (при этом книга X является «суммарием» V – IX книг). Как и «Философумы», остальные книги «Обличения всех ересей» также существовали в рукописной традиции Парижского манускрипта как сочинение Оригена, имя которого надписано на полях X книги позднейшим корректором красными чернилами, а название «Философумы» применялось переписчиками XIV в. ко всему корпусу «Обличения всех ересей». Но вскоре после открытия Парижской рукописи было установлено, что Ориген не мог быть автором этого сочинения и что «Обличение» принадлежит перу известного церковного писателя и римского епископа Ипполита, аргументы в пользу авторства которого в настоящее время решительно преобладают и принимаются в качестве обоснованных большинством ученых.

Богатый ересеологический материал, содержащийся в книгах V – X «Обличения», неоднороден по составу. В зависимости от того, какими источниками пользовался Ипполит при написании своего труда, этот материал можно разделить на три группы [9, с. 1-11]. В первую группу входят разделы, при написании которых Ипполит пользовался трудами предшественников – Иринея, Юстина и других авторов. Эти части текста «Обличения» не имеют самостоятельного значения, но могут быть

использованы для реконструкции греческого текста «Против ересей» Иринея и содержания «Синтагм» Юстина и самого Ипполита. Ко второй группе следует отнести разделы, при написании которых Ипполит пользовался своим личным опытом. Главы «Обличения», посвященные изложению современных Ипполиту «ересей», составлены им самостоятельно, с привлечением некоторых дополнительных источников (таких как сочинение Иосифа Флавия, эллинистическая антология античных авторов и трактат элказантов, привезенный в Рим Алквиадамом). В третью группу входят разделы, при написании которых Ипполит использует материал, никому кроме него не доступный. Сведения о гностических сектах, которые содержатся в «Обличении» и отсутствуют у других церковных писателей либо вступают в противоречие с ними, получили в научной литературе название «особый материал» Ипполита.

Другой особенностью этого «особого материала» является то, что между различными гностическими сектами, сведения о которых приводит Ипполит, наблюдается очень близкое родство. При внимательном изучении текста «Обличения» складывается впечатление, что различные гностические авторы, выдержки из сочинений которых приводит Ипполит, не просто высказывают похожие идеи, но буквально цитируют друг друга. В научной литературе эти случаи буквального сходства между различными гностическими сектами из «особого материала» Ипполита принято называть «перекрестными ссылками» (cross-references). Общее количество буквальных совпадений между различными гностическими авторами, на которых ссылается Ипполит, настолько велико, что с трудом поддается учету. Однако все их многообразие можно условно свести к трем основным типам:

1. Для обоснования тождественных или подобных тезисов разные гностические авторы приводят одни и те же цитаты из греческих нехристианских писателей и библейских текстов. Например, «наассен», «перат» и «сифианин» выбирают для иллюстрации одних и тех же идей (трехчастной структуры универсума и воды как злого начала) одни и те же строки из Гомера (V. 20.40-53; V. 8.5-13; V. 16.11-17).

2. Для иллюстрации тех же самых или похожих идей разные авторы используют одни и те же примеры, образы, аллегории, сравнения. Так, для демонстрации того, как подобное стремится к подобному, «сифианин», «наассен», «перат» и «Василид» приводят одни и те же примеры (нефть притягивает огонь, магнит – железо, янтарь – шелуху, а лапка морского ястреба – золото). При этом следует отметить, что если магнитные и электрические свойства «Гераклеийского камня» и янтаря засвидетельствованы в других памятниках античной литературы, то о способности лапки морского ястреба притягивать золото знают только «сифианин», «наассен» и «перат», загадочным образом встретившиеся на страницах труда Ипполита (V. 21.31-39; V. 9.105-111; V. 17.42-50; VIII.25.30-40).

3. Разные гностические авторы в своих сочинениях употребляют одни и те же речевые обороты, штампы, устойчивые выражения, формулировки, которые нигде более не встречаются, кроме как в узкой группе приведенных у Ипполита текстов. К примеру, характерной особенностью мысли, выразившейся в речи четырех различных авторов («Симона», «Василида», «Моноима Араба» и «сифианина»), является то, что они употребляют необычную формулировку для выражения идеи всеобщности: «все (ощущаемое), что можно заметить или не заметить, оставив видимое без внимания; все умопостигаемое, что можно помыслить, избежав чувствования, или оставить без внимания, не помыслив». В наиболее полной форме это выражение содержится у «Симона», а «Василид», «Моноим Араб» и «сифианин» употребляют его в сокращенном виде (VI.9.26-35; V. 19.1-10; VII.22.1-10; VIII.12.15-20).

Сам Ипполит объяснял обилие общих мест в своем тексте тем, что гностические ереси происходят из одного источника – эллинской и варварской философии и языческих мистерий. Гностики же по природе своей являются плагиаторами и, «сплоченные единым духом», истолковывают одни и те же легенды и мифы, но каждый по-своему и в несколько разных выражениях (V. 23.19-21; VI.7.1). Однако теория Ипполита, хотя и не лишена здравого смысла, тем не менее не давала ответа на вопрос, почему такое значительное количество взаимопересечений встречается в небольшой группе ересей, которые известны только Ипполиту, в то время как многочисленные памятники гностической литературы, известные из других источников, выказывают гораздо меньшую степень близости между собой. Так, в значительно большем по количеству собрании гностических текстов – в библиотеке из Наг-Хаммади известны три редакции одного и того же текста («Апокриф Иоанна»), две версии коптского перевода одного и того же текста («Евангелие Египтян»), а также две разные редакции греческого оригинала и коптского перевода «Послания Евгноста», при этом текст под названием «Премудрость Иисуса Христа» является переработкой «Послания Евгноста». Некоторые тексты из Наг-Хаммади выказывают близость на уровне общих идей, исходных положений, оперируют сходными терминами, понятиями, прилагают похожие или одни и те же имена собственные к персонажам, играющим одинаковую роль в их системах. Однако в них мы не находим ничего подобного многочисленным случаям буквального взаимочитирования, которые повсеместно встречаются внутри узкой группы из восьми описанных Ипполитом гностических сект. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что описанные Ипполитом в кн. V-VIII ереси либо вообще неизвестны другим ересеологам, либо существенно отличаются от описанных Иринеем учений с тем же названием (например, то, что Ипполит сообщает об учении Василида, совершенно не согласуется с описанием его доктрины у Иринея).

В 1885 г. Дж. Салмон, выявив и проанализировав наиболее явные случаи «перекрестных ссылок», которые встречаются в третьей группе источников Ипполита, составляющих его «особый материал», пришел к выводу, что гностические тексты этой группы были сфабрикованы одним и тем же лицом, предположительно «наассеном», который и продал их одержимому полемическим пылом епископу [8, с. 400-402]. В 1890 г. немецкий исследователь Х. Штелин подробно рассмотрел вопрос о гностических источниках Ипполита и сделал заключение, что, по меньшей мере, восемь «ересей» –

Наассены – V. 6–11, X. 9
 Ператы – V. 12-18, X. 10
 Сифиане – V. 19-22, X. 11
 Юстин – V. 23-27, X. 15
 Симон – VI.7-20, X. 12
 Василид – VII.14-27, X. 14
 Докеты – VIII.8-11, X. 16
 Моноим Араб – VIII.12-15

составляют особую группу, а близость между их доктринами значительно большая, чем между остальными гностическими течениями [9, с. 104-108]. Эта близость, как установил Х. Штелин, состоит не в простом родстве идей, но также и в буквальном совпадении между текстами, которые использовал Ипполит в качестве источников при написании соответствующих разделов. Как убедительно показал Х. Штелин в своем исследовании при попытке объяснить эти совпадения либо прямой литературной зависимостью одних авторов-гностиков от других, либо возникновением их в результате исторической эволюции различных гностических сект, их происхождения друг от друга или превращения одной секты в другую, на разных этапах мы сталкиваемся с непреодолимыми трудностями. По мнению Х. Штелина, единственным возможным решением проблемы «перекрестных ссылок» является допущение, что источники третьей группы принадлежат одному автору. Таким образом, мы имеем дело не со «взаимочитированием», а с «самоцитированием», когда один и тот же автор осознанно или неосознанно употребляет одни и те же выражения, примеры и образы. Однако, как замечает немецкий исследователь, у этой гипотезы есть слабые места: во-первых, мог ли один человек обладать столь богатым воображением, чтобы придумать и сфабриковать такое значительное количество (как минимум восемь) гностических трактатов; во-вторых, как мог Ипполит, обладавший определенными познаниями в этой области, позволить так себя одурочить? [9, с. 105-106]. Х. Штелин в поисках ответов на эти вопросы допускает, что фальсификатору были известны из различных источников древнейшие формы этих гностических систем, поэтому он смог сочинить что-либо в общем похожее на правду, а затем в разное время и разными способами подsunуть свои творения Ипполиту. Сочинить же семь различных ересей

было не так уж сложно, ведь фальсификатору надо было на разный лад повторять одно и то же, что он и делает; поэтому ереси и получились такими похожими.

Проблема перекрестных ссылок в гностических источниках «особого материала» Ипполита продолжала привлекать внимание исследователей и в XX в. В 1903 г. французский исследователь гностицизма Е. Де Фэй предположил, что «особый материал» Ипполита происходит из одной социо-культурной среды и принадлежит так называемым «офитам», однако он считал, что Ипполит цитировал несколько разных текстов, которые были созданы разными авторами [2, с. 68]. Е. Петерсон и К. Байшлаг полагают, что некоторые из гностических трактатов, прежде чем оказаться в руках у Ипполита, были отредактированы неким церковным деятелем, который собирался использовать эти тексты в полемических целях [7, с. 233, 271; 6, с. 48]. Эти исследователи также предполагают, что «особый материал» Ипполита был представлен не одним источником, но коллекцией единообразно отредактированных текстов. По мнению же К. Кошорке, в роли редактора выступил не один человек, а группа гностиков [5, с. 100]. Последний издатель «Обличения», М. Маркович, следуя предположению В. Анца [1, с. 9], полагает, что сходство между описанными у Ипполита гностическими учениями вызвано «обоюдными заимствованиями» (mutual borrowings), имевшими место в гностической среде II века [6, с. 49]. Постоянный свободный обмен идеями, образами, сравнениями, литературными метафорами и фразеологией, по мнению М. Марковича, приводил к появлению значительного числа общих мест в разных гностических писаниях.

Но нам представляется, что столь значительное количество буквальных совпадений в столь узкой группе источников трудно объяснить свободным обменом идеями между различными гностическими сектами. Достаточно сравнить «особый материал» Ипполита с коптскими гностическими текстами, чтобы осознать существенное отличие совпадений в лексике и фразеологии, вызванное взаимовлиянием при нахождении в общем культурном пространстве (Наг-Хаммади), от буквального параллелизма между текстами, сохранившимися в составе одного единственного сочинения («Обличение»).

По нашему мнению, Х. Штелин убедительно доказал, что тексты, из которых Ипполит черпает свой «особый материал», были написаны одним автором. Однако, в настоящее время предположение об их сознательной фальсификации неким авантюристом, желавшим продать выдуманные ереси Ипполиту, выглядит нелепым, что и подорвало доверие к теории Дж. Салмона и Х. Штелина, которая по существу верна и покоится на абсолютно верных основаниях. Стремление ученых конца XIX в. непременно видеть злой умысел, сознательное искажение истины в третьей группе источников «Обличения» объясняется, во-первых,

узостью источниковой базы на первом этапе историографии гностицизма, что помешало исследователям осознать все богатство, широту и парадоксальность гностической мысли. Во-вторых, сыграло свою роль определенное предубеждение против некоторых форм гнозиса, эстетическое неприятие учеными того времени некоторых доктрин, стремление видеть в гностицизме «острую эллинизацию христианства» (А. Гарнак) и не более того. Так, «наассена», предположительно сфабрикованного «особый материал» Ипполита, Дж. Салмон считал «сумасшедшим типом (crazy person), обладавшим большой начитанностью и обширными познаниями в гностической литературе» [8, с. 397]. Однако в сравнении с авторами многих текстов из Наг-Хаммади, в особенности «Парафраза Сима», следы знакомства с которым видны в главе о «сифианах», автор документа «наассенов» уже не выглядит безумцем, а его концепция представляется вполне последовательной и логичной.

Еще в 1967 г. немецкий исследователь Й. Фрикель пришел к выводам, которые представляются весьма плодотворными для разрешения вопроса о происхождении «особого материала» Ипполита. Как установил Й. Фрикель, при описании «симонианской» ереси Ипполит использовал не оригинальный текст принадлежащего Симону трактата «Апофазис Мегале», а его парафраз с комментариями, выполненный неизвестным гностиком [3, с. 200]. Но поскольку изложение «Апофазиса» относится к «особому материалу» Ипполита, можно сделать предположение, что автор комментариев к «Апофазису» находился в прямой или косвенной связи с другими гностическими группами, которые также принадлежат к «особому материалу» [4, с. 427]. Какова же природа этой связи?

Мы, как и Х. Штелин, полагаем, что многочисленные перекрестные ссылки в «особом материале» Ипполита объясняются тем, что весь этот «особый материал» восходит к одному автору. Однако, по нашему мнению, сведения о гностических учениях, составляющих его «особый материал», Ипполит заимствует не из группы единообразно отредактированных или принадлежащих одному автору текстов, а из одного пространного документа. Но автором этого документа не мог быть ни фальсификатор, ни церковный редактор. Содержание этого документа, насколько его возможно реконструировать по тексту «Обличения», показывает, что он представлял собой комментарий на ряд древних и авторитетных текстов гностической традиции, в котором при помощи аллегорического метода толкования как некоторых языческих (философских и поэтических) произведений, так и ряда библейских текстов высказывалась мысль о том, что именно гностическое понимание христианства является наиболее верным выражением истины. Цитаты из языческих философских текстов служат автору комментария в качестве внешних доводов, которые должны признавать в качестве действительных и нехристиане (такие как полемизировавшие с гностиками в сер. III в. неоплатоники Плотин и Порфирий), а также для

обоснования тезиса, что эллинские мудрецы как лучшие из людей, духовные, еще в глубокой древности и до явления Христа могли отчасти высказывать истину, хотя и в неясном, «зашифрованном» виде. Цитаты из ветхозаветных книг и «канонических» христианских текстов, которые признавались в качестве сакральных христианами ортодоксально-кафолического направления, служат в качестве внутренней, обращенной к церковным христианам аргументации, и имеют своей целью показать, что гностическое понимание христианства не только не противоречит этим текстам, но является истинным выражением их глубинного смысла. Содержание комментариев, которые легко отделяются как от текста комментируемых источников, так и от текста самого Ипполита, позволяет в общих чертах представить себе и богословскую концепцию их автора, который исповедовал гностическое христианство в форме, характерной для конца II в., и находился под сильным влиянием античной философской традиции. Сам же комментарий, по существу, представлял собой «апологию», оправдание гностического христианства, адресованное как языческой, так и ортодоксально-христианской аудитории.

Литература

1. *W. Anz.* Zur Frage nach dem Ursprung des Gnostizismus. – Leipzig, 1897.
2. *E. de Faye.* Introduction à l'étude du gnosticisme au II et III siècle. – Paris, 1903.
3. *J. Frickel.* Die Apophasis Megale, eine Grundschrift der Gnosis? // *Le Origini dello Gnosticismo. Colloquio di Messina 13-18 aprile 1966. Testi e discussioni.* Ed. Ugo Bianchi. – Leiden, 1967. – P. 197-200.
4. *J. Frickel.* Ein Kriterium zur Quellenscheidung innerhalb einer Paraphrase (Drei allegorische Deutungen der Paradies-Flüsse Gen 2:10) // *Le Muséon*, 85 (3-4). – Louvain, 1972. – S. 425-450.
5. *K. Koschorke.* Hippolytus Ketzerbekämpfung und Polemik gegen der Gnostiker // *Göttinger Orientforschungen.* – VI. Reihe: Hellenistika, 4. – Wiesbaden, 1975. – S. 95-101.
6. *M. Marcovich.* Introduction // *Hippolytus. Refutatio omnium haeresium.* Ed. M. Marcovich. – Berlin, New-York, 1986. – P. 1-51.
7. *E. Peterson.* Frühkirche, Christentum und Gnosis. – Rom, Freiburg, Wien, 1959.
8. *G. Salmon.* The Cross-References in the Philosophumena // *Hermathena*, 11, 1885. – P. 389-402.
9. *H. Staehlin.* Die gnostischen Quellen Hippolyts in seiner Hauptschrift gegen die Haeretiker // *T. U.* – Bd. 6, H. 3. – Leipzig, 1890. – S. 1-108.

© Егоренков И.

О структуре жилого дома Херсонеса – Херсона (IV - IX вв.)

Пархоменко Мария

Пархоменко Мария. Про структуру житлового будинку Херсонеса – Херсона (IV-IX ст.). В статті розглянуто структуру ранньосередньовічного житлового будинку Херсонеса-Херсона. Вдослідженні використані дані джерела, яке раніше не розглядалося істориками для характеристики середньовічної садиби – політичного трактату Константина VII Багрянородного (913–959) «Про управління імперією». Вперше за допомогою зазначеного джерела висунуто припущення про те, що у житловому будинку або зовсім не було вікон, або вони були вкрай малими.

Parhomenko Mariya. About the apartment house building structure of Chersones – Cherson of the early medieval period (IV - IX centuries). In the article the structure of the early-medieval apartment house building of Chersones – Cherson is being described. The work contains materials from the source which hasn't been used before by historians – a Constantine's VII Porphyrogenetos (913-959) treatise «De administrando imperio». With the help of this source we came to a assumption that the house either didn't have any windows, or they were extremely small. **Key words:** Chersones-Cherson, apartment house, structure, early medieval, Byzantium.

Планировка и реконструкция раннесредневекового жилого дома Херсона до сих пор остается одной из неразрешенных проблем в исторической науке. Главной причиной этого является плохая сохранность археологических памятников IV-IX вв. и отсутствие письменных источников, освещающих повседневную жизнь города в данный период. Вместе с тем, подобная историографическая ситуация характерна не только для Херсонеса как провинциального центра, но и для всей Византии в целом. Этот факт делает работу актуальной не только в рамках изучения археологических памятников конкретного города, но и принципиально важной для исследования всего византийского градостроительства.

Ряд ценных наблюдений относительно планировки херсонских жилых домов принадлежит А. Л. Якобсону. Именно он впервые